

Мочумеихо Валерий

18.7.91.

ВЗГЛЯД В ЗАВТРА

«Одурченный муж» открывает театр

Вот два факта, что меж собой, на первый взгляд, никак не связаны. Третьякунский Молдавского института искусств Илья Хадкин, кстати, невероятно похожий на молодого Пушкина, со слезами отказался играть в фильме самого Эмиля Лотяну. И еще: в Буджакских степях зрители аплодируют Мольверу. Его комедия «Нори Данден, или Одуряченный муж» в переводе на гагаузский язык писателя Дениса Танасоглу идет при переполненных залах. Зрители плачут, но не только от смеха, еще и от исполнения желаний. Но обо всем по порядку.

Конечно, я мог бы назвать эту корреспонденцию строже и без подтекста. К примеру, «Жан-Батист говорит погагаузски». И это было бы тоже в точку: языки гагаузов по воле нашей национальной политики за советское многолетие практически подошли к рубежу, за которым полное исчезновение. И несогласие с языковой политикой, насильственно насиждающей официальным Кишиневом, практически привело к созданию Гагаузской республики, никем не признанной, но и не отрицаемой.

Так вот, третьекурсники, нет, с осени — уже четверокурсники гагаузской группы, обучающиеся у педагога Валерия Могутенко на кафедре режиссерского и антерского мастерства с успехом сыграли «Жоржа Данденя», и обычный курсовой спектакль в учебном театре, нуда и вход-то через сцену, стал серьезной заявкой на создание первой в истории гагаузского народа театральной труппы. Нет, первая уже была, но она последний раз выступила почти семьдесят лет назад — в 1922 году. Это, согласитесь, история. И программа возрождения культуры этого самобытного народа, живущего компактно историей на юге былой Бессарабии, нынче — на юге Молдавии и Украины, включает создание театра как такового. Правда, это было задачей «на потом». Но только не для энтузиастов.

Валерий Могутенко, русский режиссер и педагог, сам собрал на тагаузском юге парней и девчат, склонных к высокому искусству, ничего, кроме профессии культработника, им не обещая. Создание артистической группы

шло исподволь, и она формировалась из студентов, что «живые» спектакли увидели разве что на первом курсе института. От сцен различных спектаклей они пришли к Мольеру, к пьесе, трудной не только для такого юного возраста. Илья Хаджи исполнил заглавную роль, и это стало причиной его отказа сняться в кино.

На курсовой спектакль были приглашены депутаты-гагаузы из молдавского парламента, руководители гагаузского национального движения, и они были поражены такой драматургией жизни: пока они витийствовали, во сколько обойдется хозяйствам Гагаузии, создание профессионального театра, он, оказывается, уже зрел в глубинах института, и студенты со своих стипендий шили себе костюмы, сооружали декорации и заводили сундуки — первое хозяйство для будущего своего репертуара.

Первое хобзито для будущего своего репертуара. Обсуждение студенческой работы практически вылилось в производственное совещание, как за оставшиеся два года обучения создать в Комрате, административном центре Гагаузии, театр, построить дом для артистов. Казалось бы, узкая национальная задача нашла поддержку у студентов других национальностей. Вот, к примеру, роль слуги Копена замечательно сыграл румын из Черновиц, студент Стефан Остафчун, изучивший свою роль по-гагаузски. Ролей пока больше, чем исполнителей. Но растет и новая поросль — первый учебный год заканчивает группа гагаузских студентов, руководимая народным артистом Молдовы Петром Баранчи.

Звучит в старинной комедии нынешняя гагаузская речь, и зритель, пришедший с поля в колхозный клуб, смеется и плачет: жизнь народа продолжается. Слово Валерию Могутенко:

— Я счастлив не менее своих студентов. Появилась высокая цель. Будем создавать багаж будущего театра. Театр без отпуска. Зимой — учеба, а летом — гастроли в благодатной Буджанской степи...

КИШИНЕВ.

Вадим ЛЕТОВ.
(Соб. корр. «ЭС»).

Журч и снега. - 1991. - 18 школ (N 29). -

2 страница